

● «После некоторых эфиров у меня ощущение, будто я таскал кирпичи»

Жизнь человека меряют годами. Жизнь бабочки — днями. Жизнь программы — эфирами. Начавшись на НТВ восемь лет назад, «Ночной полет» продолжился на ТВЦ, а затем обрел свое время на канале «Культура». 1 декабря немногочисленная команда во главе с ведущим Андреем Максимовым отмечает круглую дату — 1500-й «Ночной полет».

— На телевидении исчезает жанр разговора, нормального человеческого общения. С чем это связано?

— Если я сейчас признаю правоту ваших слов, то я обижу толпу народа, которые на телевидении беседуют. Например, беседуют Владимир Познер, Тина Канделаки, Толстая и Смирнова; Дима Дибров беседует вполне по-человечески. То есть я не единственный, кто работает в этом жанре. Но «Ночной полет» — одна из немногих программ, куда человек из ускользающего класса интеллигенции может прийти, чтобы высказать свою точку зрения.

— Но все-таки полторы тысячи эфиров — значит, мы все же небезнадежны?

— Спасибо за добрые слова, но я не отношусь к программам «Ночной полет» как к показателю чего-нибудь. Это просто удача, что я попал на АТВ, начал делать программу «Ночной полет», что потом меня без объяснения выгнал Попцов и тут же подобрал канал «Культура». Я не могу сказать, что раз существует «Ночной полет», то это показатель чего-то. Это просто одна из передач на телевидении.

— Жанр интервью, в котором вы работаете, считается самым трудным. У вас есть секреты? Как вы разговариваете с гостями?

— У меня есть книжка, которая называется «Как разговаривать собеседника, или Ремесло общения». Это книжка о том, как брать интервью в повседневной жизни. Я не считаю, что интервью — это самый сложный жанр, но это самый распространенный жанр. Когда вы спрашиваете у продавщицы, свежее ли молоко, когда ребенок спрашивает у мамы, как сделать урок, когда молодой человек спрашивает у девушки, любит ли она его или нет, когда журналист спрашивает у Путина про пути развития России — это все интервью. И они все делаются по одним и тем же существующим законам. Я попытался объяснить, как, разговаривая с человеком, получить нужную вам информацию. Это то, что я пытаюсь делать в «Ночном полете». И не уверен, кстати, что получается у меня до конца.

— Бывали случаи, когда приходили люди и вам не удавалось их разговорить?

— Бывало, приходили очень нервные люди. Одну молодую актрису буквально трясло перед эфиром и в начале беседы. Все, что можно сделать в таком случае, — это попытаться создать добрую атмосферу и сразу показать человеку, что он тебе интересен. На самом деле так и есть — я не приглашаю людей, которые мне неинтересны, к которым у меня нет вопросов, даже если существует информационный повод. Когда человек чувствует, что он на самом деле интересен, он совершенно по-другому себя ведет. Я сам часто даю интервью и часто знаю по себе — вижу, когда человек пришел выпол-



Экипаж «Ночного полета»

Диалогическая цепочка

Андрей Максимов отмечает 1500-й выпуск «Ночного полета»

нить задание редакции в полчаса между пьянкой и свиданием или когда ему что-то интересно у меня узнать. И я на себе испытываю то же самое, что испытывают мои гости. Поэтому, когда человек не хочет разговаривать или нервничает, но видит, что он действительно интересен, он становится совсем другим.

— Прямой эфир — обязательное условие?

— На самом деле нет, хотя «Ночной полет» — едва ли не единственная программа, выходящая в прямом эфире. Разве что «Детали» недавно тоже стали выходить в прямом эфире. Но нередко приходится подстраиваться под гостей, тогда мы программу пишем, но в режиме прямого эфира, то есть «Ночной полет» не монтируется никогда: что уж сказал гость, то сказал. Мы хотели подвести итоги празднования юбилея Майи Михайловны Плисецкой и записали программу тогда, когда ей было удобно. Понятно, что когда приезжает Фанни Ардан, мы подстраиваемся под нее. К Пеле мы ездили на базу, он уделил нам полчаса. В таких случаях, конечно, это запись. Но я стараюсь, чтобы эфир был прямой, потому что мне кажется важным, чтобы люди имели

возможность задать гостю вопрос, потому что у них не будет больше возможности поговорить со Спиваковым, с Хазановым, с Искандером.

— Вы решаете, кого звать на программу. Чем вы руководствуетесь?

— Как я уже сказал, у меня должны быть к человеку вопросы. Поэтому, например, у нас довольно редко бывают эстрадные звезды, хотя нам никто не запрещает их приглашать. У меня просто нет к ним вопросов. Второй момент — программа информационная, то есть рассказывает о некоем важном культурном событии через его участника, информационный повод. С тех пор, как я ушел из АТВ, я абсолютно свободен в выборе гостей.

— Наверное, неправильно так говорить, но вы можете вспомнить ваши любимые, особенно удавшиеся вам интервью?

— У меня полторы тысячи эфиров. И если я назову какой-то один из них, то люди, пришедшие на оставшиеся 1499 эфиров, решат, что они плохи. Тысяча пятьсот эфиров — это тысяча двести замечательных людей. У меня не было ни одного человека, про которого я мог бы сказать, что он противный и неинтересный.

— А неудачи можете вспомнить?

— А что такое неудача? — Ну внутреннее ощущение провала.

— У меня такое ощущение едва ли не после каждого эфира. Все время кажется, что мало времени, что я не раскрыл гостя. Как всякому нормальному человеку, мне кажется, что то, что я делаю, возможно было сделать лучше. Но есть интересный момент, природу которого я не могу понять. Когда ко мне приходит человек, всегда происходит одно и то же — он

приходит за час до эфира, мы пьем чай, разговариваем, потом расстаемся. Однако после некоторых эфиров у меня ощущение, будто я таскал кирпичи, а после других — ощущение полета. Из чего я понял, что энергетика — это невыдуманная штука. Потому что по физическим действиям все одно и то же. А ощущение от людей совершенно разное. Но давайте я вам лучше расскажу о тех, кто делает нашу передачу.

— Давайте, все-таки полторы тысячи эфиров.

— Во-первых, моя большая удача — режиссер Виталий Минорский. Он обладает невероятным умением сделать так, чтобы то, что вижу я, в кадре видел зритель. На самом деле это очень трудно. Твой собеседник реагирует, и если режиссер не показал эту реакцию, то и зритель ее не увидел. У человека слезы на глазах — это успеть показать. Виталий это делает совершенно виртуозно, не говоря о том, что иногда на эфире возникают немалые проблемы. Например, пришли в студию со львенком. Как его показать, куда деть? При этом маленький львенок лапой разбивает стул. Или пришел человек с попугаем, хотел показывать номера. А у нас очень маленькая студия. Минорский никогда не говорит «невозможно». С ним мы сделали уникальный эфир, когда брали интервью у хора Турецкого как у одного человека. Минорский придумал, что я буду сидеть на сцене, а хор будет сидеть в зале. Это же очень трудно придумать. На программу приходят разные люди, нервничают, не хотят сниматься, а Виталий приходит и всех успокаивает. И он собрал отличную бригаду профессиональных, интеллигентных людей.

сайт. Мне всю информацию дает Ася. В сущности, творческая часть — это три человека, считая меня. А техническая — это Виталий и его команда. Хотя деление неправильное: техническая — тоже очень творческая на самом деле.

— У вас побывали больше тысячи достойных людей. Есть еще люди, с которыми вам бы хотелось поговорить?

— Когда я начал делать эту передачу, один известный телеведущий мне сказал: «Тебя хватит на две недели, потом кончатся гости». Прошли восемь лет, полторы тысячи эфиров, и еще огромное количество людей, которые никогда не были в студии «Ночного полета». И со многими, кто побывал семь-восемь лет назад, я бы с удовольствием поговорил еще раз. Очень бы хотел поговорить про жизнь с президентом Путиным. Не про судьбы демократии и размер ВВП. А про то, как меняется мировосприятие человека, когда он становится президентом. Что испытывает Путин, когда Ельцин отдал ему страну, сел в машину и уехал. Вот вошел Владимир Владимирович в кабинет, висит карта страны, что он думает в этот момент. Меня всегда гораздо больше интересуют человеческие вещи, чем политические. Я мечтаю, чтобы к нам пришел Ростропович. Есть огромное количество писателей, актеров, музыкантов, которых не было. У нас страна неисчерпаема. Я не знаю, сколько нужно эфиров, чтобы интересные люди закончились. Я не устал от «Ночного полета». Мне по-прежнему интересно говорить с людьми. На самом деле, это самое интересное, что есть в жизни.

● Надежда ПРУСЕНКОВА

«Бывало, приходили очень нервные люди. Одну молодую актрису буквально трясло в эфире»

№90 (1115) 01.12—04.12.2005 г.

Новая сессия

Максимов Андрей

47205

222